

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНОМ СЕМИНАРЕ
«ПРОРЫВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, БУДУЩЕЕ СДЕРЖИВАНИЯ И
ВЫЗОВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ»**

А.Г. Арбатов, академик РАН,

Руководитель, Центр международной безопасности, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

Хотел бы начать с того, что соревнование контрсилowych потенциалов, то есть потенциалов обезоруживающего удара, и живучести стратегических средств, как способа обеспечения ответного удара, не новое явление. Оно продолжается уже более полувека – с начала шестидесятых годов, когда министр обороны США того времени, великий стратег и великий менеджер Роберт Макнамара, в 1962 г. выдвинул концепцию «контрсилowego» удара (т.е. удара по стратегическим силам противника), с которой собственно и началось это соревнование.

За прошедшие пятьдесят с лишним лет соревнование прошло много этапов. Иногда вперед вырывались средства «контрсилы», и самым главным прорывом было создание ракет с разделяющимися головными частями и повышение точности попадания боеголовок. С другой стороны, постоянно повышалась живучесть ядерных сил за счет развертывания подводных лодок, повышения их доли на боевом дежурстве в море, что у нас называется «коэффициент боевой напряженности». Также это достигалось за счет базирования их или подо льдами, или во внутренних морях, под защитой собственного флота, как в Баренцевом или Охотском морях, что стало возможным с повышением дальности баллистических ракет подводных лодок до межконтинентальной дистанции. Нельзя забывать и про авиацию: конечно, она уязвима на аэродромах и аэродромов этих немного. Но, с другой стороны, если она успевает подняться в воздух, то может запустить крылатые ракеты большой дальности, которые позволили авиации надолго, может быть навсегда, победить противоздушную оборону, поскольку позволили наносить удары, не входя в зону ПВО противника.

Я не буду вдаваться в историю вопроса: она достаточно хорошо известна и описана в целых библиотеках книг у нас в стране, в США и других странах, по поводу этого сказано море слов на большом количестве конференций и семинаров. Я хочу только подчеркнуть: происходящее сейчас – совершенствование систем нападения и мониторинга объектов контрсилowych ударов – ничего нового и революционного не несет. Так бывало и раньше, с переменным успехом этот процесс продолжается и будет идти в дальнейшем.

A. Arbatov speech at the International Seminar
“Disruptive Technologies, Strategic Vulnerability, and the Future of Deterrence”
14.06.2017

В отношении подводных лодок (это такое замечание на полях) есть тенденция к развитию беспилотных подводных аппаратов. В определенном будущем, с преодолением огромного количества технических препятствий, это может поставить под удар подводную часть ядерной триады, которая до настоящего времени считалась наиболее живучей и гарантирующей потенциал ответного удара. Но надо до этого дожить и посмотреть. Наверняка, в ответ на подводные беспилотники будут созданы подводные контр-беспилотники.

Соревнование, видимо, будет продолжаться, но сейчас нет никаких оснований утверждать, что наступит конец живучести подводных лодок и наземно-мобильных ракет, способности бомбардировщиков подняться в воздух и нанести удар с большой дистанции¹.

Мы в Центре международной безопасности в Институте мировой экономики и международных отношений, в Институте США и Канады, в других академических институтах и в независимых исследовательских центрах, конечно, исследуем эти вопросы и их отслеживаем. Но из всего, что я читал и слышал, в том числе и сегодня, у меня не складывается впечатление, что мы стоим на пороге технических прорывов, которые раз и навсегда покончат с феноменом взаимного ядерного сдерживания и разрушат безвозвратно стратегическую стабильность. Во всяком случае, в отношениях между двумя ядерными сверхдержавами: Россией и Соединенными Штатами Америки. Техническое соревнование будет продолжаться – это верно. Его ход предсказать очень трудно, но вывод о наступлении революции в пользу «контрсилы», по меньшей мере, преждевременен.

Тем не менее, сказав это, я хочу подчеркнуть, что ныне и ядерное сдерживание, и стратегическая стабильность переживают большие возмущающие эффекты, которые реально могут поставить под угрозу то состояние военного баланса, которое стало привычным для нас за последние пятьдесят, и еще более – двадцать лет. И в связи с этим я хочу обратить ваше внимание на пять главных возмущающих факторов.

Первый фактор – это развитие и внедрение новых систем оружия, которые стирают традиционные грани между ядерными и обычными вооружениями, между оборонительными и наступательными средствами, между системами театра военных действий и системами глобальной войны. Главный феномен стирания граней между ядерными и обычными системами – это крылатые ракеты, где одни и те же образцы, как наш «Калибр» и американский «Томахок», могут оснащаться или ядерным, или обычным боезарядом. В будущем это возможные ракетно-планирующие

¹Сейчас дальность крылатых ракет воздушного базирования уже достигает пяти тысяч километров, и это почти межконтинентальные ракеты, до указанного рубежа не хватает 500 километров.

A. Arbatov speech at the International Seminar
“Disruptive Technologies, Strategic Vulnerability, and the Future of Deterrence”
14.06.2017

гиперзвуковые средства, которые тоже, в зависимости от поставленных задач, могут оснащаться как обычными, так и ядерными боезарядами.

Стирание грани между наступательными и оборонительными вооружениями сейчас у всех на слуху: заместитель начальника Главного оперативного управления Генерального штаба Виктор Познихир недавно очень сильно всех напугал на международной конференции Министерства обороны. Речь идет о возможности размещения наступательных ракет «Томахок» в пусковых установках системы противоракетной обороны наземного базирования «Иджис» в Румынии уже сейчас, а в Польше в следующем году.

Мне кажется, эта угроза преувеличена в военном плане, но с точки зрения соблюдения Договора о ракетах средней дальности - это очень важный момент, который Россия не может не принимать во внимание. Мы не имеем возможности отличить пусковую установку антиракеты «Стандарт-3» от пусковой установки ракеты «Томахок». И американская обязанность предоставить нам такую возможность. А российская обязанность – в ответ предоставить американцам возможность убедиться, что наши крылатые ракеты наземного базирования не превышают по дальности порог в 500 километров, установленный Договором о ракетах средней и меньшей дальности.

Наконец, стирание граней между региональными и глобальными системами происходит, прежде всего, из-за системы противоракетной обороны. США рассматривают наземные системы ПРО в Европе, Южной Корее, возможно, в Японии и на кораблях, как региональную систему противоракетной обороны, предназначенную для отражения удара ракет средней дальности и оперативно-тактического назначения. В доказательство выдвигается масса технических аргументов. Тем не менее, Россия воспринимает эти средства как элемент глобальной системы противоракетной обороны США вместе с элементами, размещенными в Калифорнии и на Аляске, а в будущем, возможно, и в новом позиционном районе (есть подозрения, что администрация Дональда Трампа создаст третий район на северо-востоке страны). Китай тоже рассматривает эту ПРО как глобальную систему.

В итоге названных тенденций стирается грань, которая традиционно была важна для оценки военного баланса и стабильности ядерного сдерживания. Я уж не говорю про огромные новые сложности для переговоров по ограничению и сокращению вооружений.

Второй фактор – это превращение гонки вооружений из двусторонней в многостороннюю. Причем, речь идет как о ядерных, так и о высокоточных обычных вооружениях, как об оборонительных, так и о наступательных системах оружия. К этому соревнованию, помимо России и США, подключаются и другие страны. В первую очередь это Китай и Индия, но нельзя не учитывать потенциал Великобритании и Франции, Пакистана, Северной Кореи, Израиля и других

A. Arbatov speech at the International Seminar
“Disruptive Technologies, Strategic Vulnerability, and the Future of Deterrence”
14.06.2017

возможных обладателей ядерного оружия, которые, к сожалению, могут появиться в ближайшие десять – двадцать лет, если мы не убережем Договор о нераспространении ядерного оружия. Это увеличивает опасность применения ядерного оружия в региональном кризисе. Причем даже ограниченное (по меркам России и США) применение ядерного оружия, например, Индией и Пакистаном друг против друга может вызвать глобальную климатическую катастрофу, не говоря уже о других последствиях такого применения.

Между тем, состояние стратегической стабильности, основанное на гарантированном обоюдном потенциале ответного удара, которая существует уже сорок с лишним лет между Россией/Советским Союзом и США, отсутствует в отношениях между другими ядерными державами. Таких отношений нет между Индией и Пакистаном, между Китаем и США, между США и Северной Корей. Ну и понятно, что в том раскладе ядерных сил, в котором участвует Израиль, тоже стабильности не существует. Следовательно, во-первых, применение ядерного оружия между этими государствами гораздо более вероятно, чем между двумя сверхдержавами, а во-вторых - включить их в процесс ограничения вооружений и транспарентности будет чрезвычайно трудно. А без них далеко продвинуться дальше по пути двусторонних сокращений и транспарентности в двустороннем формате России и США будет становиться все труднее.

Третий фактор – появление идей, и у нас они высказываются все более напористо, о том, что после глубоких сокращений ядерного оружия за последние четверть века, начиная с договора СНВ-1, ядерная война стала менее неприемлемой, поскольку не принесет глобальной катастрофы. Действительно, за последние десятилетия число боезарядов на стратегических носителях России и США сократилось примерно в шесть раз, если сравнить потолки договора СНВ-1 и потолки нового договора СНВ от 2010 года. Исходя из этого, высказываются идеи (причем не какими-то безумцами, а специалистами, которые работали в Генеральном штабе, а сейчас представляют солидные военно-научные учреждения) о том, что возможен обмен ядерными ударами, который не принесет катастрофических последствий.

На мой взгляд, это абсолютно безумная идея, во-первых, потому, что оставшиеся ядерные потенциалы все еще чудовищны.

В годы холодной войны потенциал причинения неприемлемого ущерба Макнамара оценивал в 200-400 мегатонн, способных уничтожить 50% промышленности и 25% населения противника непосредственными эффектами ядерного удара (не говоря про вторичные последствия). Тогда суммарный ядерный потенциал двух сверхдержав соответствовал примерно 2,8 миллионам «хиросим» (если перечислить на эквивалент хиросимской атомной бомбы в 15 килотонн). А нынешний потенциал, конечно, гораздо меньше, но все равно достигает более 100

A. Arbatov speech at the International Seminar
“Disruptive Technologies, Strategic Vulnerability, and the Future of Deterrence”
14.06.2017

тысяч «хиросим». Даже по самым заниженным и весьма спорным оценкам максимально эффективного разоружающего американского первого удара и минимального российского ответного удара, Россия получит ущерб равный 3 тысяч «хиросим», а США от российского ответа – почти 5 тысяч. Если этого мало для ядерного сдерживания, тогда не хватит никакого потенциала – пусть он будет в десять раз больше – потому, что это уже вопрос менталитета, а не стратегического анализа.

Во-вторых, наряду с сокращением ядерного оружия еще больше снизилась терпимость к потерям, как в США, так и в странах Евросоюза и в России. Если Макнамара в свое время считал неприемлемой для сверхдержав потерю 25% населения, то сейчас трудно представить себе великую идею или цель войны, ради которой они согласились бы одновременно потерять 2-3% населения (то есть до 10 млн. человек в США и до 5 млн. человек в России).

Никакое воображаемое «глобальное доминирование» не стоит таких потерь, тем более, что после обмена ударами такое доминирование вовсе не гарантировано. Кроме России и НАТО, есть еще Китай, Индия, исламский мир – у всех по миллиарду с лишним народу. А на подходе демографические взрывы черной Африки и Латинской Америки. Борьба за глобальное доминирование ведется ныне не ядерными ударами, а экономическим ростом и торгово-инвестиционной экспансией, гонкой новейших технологий, избирательными военными и гибридными операциями.

Четвертый фактор – появление на этом фоне рассуждений вполне солидных, ответственных специалистов и в США, и в России, о том, что в условиях высокой стабильности стратегического баланса и невозможности нанесения разоружающего удара, появились реальные варианты избирательного применения ядерных, и в том числе стратегических сил. В официальных доктринах это пока еще не отражено или выражено достаточно невнятно, но в трудах людей, которые непосредственно вовлечены в работу государственных ведомств или связаны с ними, это проскальзывает все чаще. Получается парадокс: количество ядерного оружия сократилось во много раз, стратегический баланс стабилен как никогда в смысле невозможности нанесения разоружающего удара, и именно это является аргументом в пользу того, что можно применить стратегические силы избирательным образом для «деэскалации» кризиса или ответа на такую тактику путем «эскалационного доминирования».

Раньше такие концепции в основном связывались с тактическим ядерным оружием, которого были многие тысячи на театрах военных действий Варшавского Договора и НАТО, а также на Тихом океане. Сейчас это вышло на стратегический уровень. У нас в стране такие опции рассматриваются как ответ на «воздушно-космическое нападение». Имеется в виду нападение Соединенных Штатов/НАТО с использованием высокоточного обычного оружия, аналог ударов по Югославии и

Ираку, но только помноженных на несколько порядков по своим масштабам. Что делать России в ответ на такие удары? Нанести массированный удар означает в ответ получить массированный ядерный удар. Поэтому высказывается мнение, что необходимо сделать упор на избирательное применение стратегических ядерных сил.

Американцы, со своей стороны, тоже рассматривают избирательные опции,² как вероятный ответ на отмеченные концепции со стороны России (а также, по их мнению, со стороны Китая). Такие операции и средства расцениваются как опора гарантий американским союзникам на случай, если сдерживание не сработает где-то на рубежах НАТО или на Дальнем Востоке. В таких случаях тоже предполагается решать вопрос не массированными ядерными ударами, а избирательными ударами, чтобы на каждой ступени эскалации одерживать верх, и чтобы противник, видя это, остановился и отступил. А до первого пуска обе державы рассматривают эти концепции и средства как инструмент сдерживания другой стороны.

Я убежден, что это очень опасное направление эволюции стратегических отношений. Если, не дай бог, между великими державами произойдет кризис или локальный вооруженный конфликт, то он молниеносно эскалирует до глобального обмена ударами, если какая-то сторона попытается применить ограниченные стратегические ядерные опции. Знаменательно, что когда говорят о своих избирательных ударах, то это рассматривается как предпочтительная альтернатива массированному обмену ударами. Когда об этом говорит другая сторона, то это оценивается, как понижение ядерного порога и попытка сделать ядерное оружие более действенным инструментом войны и политики.

Необходим диалог между военными и гражданскими стратегами для того, чтобы прояснить позиции. Есть вопросы в отношении воздушно-космического нападения, на которое мы пытаемся придумать ответ в виде ограниченных ядерных ударов, наряду с воздушно-космической обороной. Неплохо бы разобраться и насчет американских вариантов избирательного применения стратегических средств. В российской печати новая тяжелая ракета «Сармат», как ни странно, обсуждается как раз в контексте избирательно применения, в том числе и как носитель гиперзвуковых планирующих блоков. В Америке обсуждается новая крылатая ракета большой дальности авиационного базирования или новые модификации авиабомб В-61-12, которые рассматриваются тоже как оружие не только тактической авиации, но и оружие тяжелых бомбардировщиков для применения избирательным образом.

Наконец, **пятый** возмущающий **фактор** – это беспрецедентный кризис системы режима контроля над ядерным оружием. Я не буду вдаваться в детали – об этом уже много писалось. Достаточно сказать, что впервые за пятьдесят лет, в отличие от

²Они называют их «tailored», то есть «подогнанные» варианты ударов, по аналогии с портным, подгоняющим костюм.

A. Arbatov speech at the International Seminar
“Disruptive Technologies, Strategic Vulnerability, and the Future of Deterrence”
14.06.2017

технического развития, которое идет «по синусоиде», стоим перед перспективой полного разрушения системы контроля над вооружениями. Уже шесть лет не ведутся переговоры между Россией и США по стратегическим вооружениям. Раньше никогда такого перерыва не было: даже в худшие годы холодной войны, после начала этих переговоров в 1969 году. На грани краха Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Если он полетит – рухнет договор СНВ, вслед за ним посыплется все остальное: Договор о запрещении ядерных испытаний, а затем и Договор о нераспространении ядерного оружия.

Говорить об опасностях этого детально не буду – у нас сегодня тема не относится к контролю над вооружениями напрямую, но не отметить этого не могу. Цепная реакция распада режимов контроля над ядерными вооружениями и их нераспространения, неизбежно, причем скорее раньше, чем позже, приведет это оружие, взрывные устройства или материалы в руки международного терроризма.

Не адаптивное нацеливание стратегических ракет, не космические радары, а ядерный терроризм, получив в свои руки такое оружие, покончит раз и навсегда и с ядерным сдерживанием, и со стратегической стабильностью, в том смысле, в котором мы привыкли об этом думать и говорить за прошедшие полвека.

В заключение - мой вывод, который, в принципе, противоположен выводу наших уважаемых американских коллег. Он состоит в том, что техническое развитие идет, как и шло, с переменным успехом для потенциалов первого и ответного ударов, предсказать будущее трудно, хотя, конечно, соревнование продолжается, и за ним надо следить. Безусловно, могут возникнуть дестабилизирующие моменты, но в целом это техническое развитие не стоит на пороге революционных перемен.

А вот те возмущающие факторы, относящиеся к ядерному сдерживанию и стратегической стабильности, о которых я говорил, действительно поставили нас на порог революционных перемен. Поэтому стратегическая стабильность требуют продолжения переговоров, дальнейшего сокращения и ограничения стратегических и других вооружений.

До какого уровня – это вопрос серьезного анализа и прогноза. Ясно, что мы не можем сокращаться бесконечно в двустороннем формате, потому что есть другие ядерные державы, есть обычные наступательные и оборонительные системы, которые влияют на стратегический баланс. Но, как минимум, еще один шаг мы можем и должны сделать. В 2021 году истекает срок нынешнего Договора СНВ. Для подготовки нового договора времени уже почти не остается, учитывая сложность всех проблем, которые предстоит решить.

Потому, мой вывод прямо противоположен выводу наших американских коллег: опасно не дальнейшее сокращение, а отсутствие дальнейших соглашений. Неспособность или нежелание заключить следующий договор, в связи с которым

A. Arbatov speech at the International Seminar
“Disruptive Technologies, Strategic Vulnerability, and the Future of Deterrence”
14.06.2017

нужно будет оговорить и системы ПРО, и высокоточные обычные вооружения, и гиперзвуковые системы – именно это покончит с ядерным сдерживанием и стратегической стабильностью в ходе грядущей многоканальной и многосторонней неограниченной гонки вооружений и их распространением, в том числе в руки террористов.

И последнее, что хочу сказать, поскольку позиция администрации Дональда Трампа здесь не ясна. Я думаю, что, наряду с разумным курсом поддержания российского потенциала ядерного сдерживания, прежде всего, за счет таких ракетных систем, как «Ярс» и «Булава», Москва должна взять в свои руки инициативу и лидерство в сохранении режимов контроля над ядерным оружием и его нераспространения. Кроме России это сделать теперь некому. К тому же Россия находится в более уязвимом положении в случае неограниченной гонки вооружений, чем другие основные центры силы. Я думаю, что если Россия выдвинет продуманные, реалистичные предложения, то администрация Трампа будет вынуждена на них реагировать. Больших внешнеполитических успехов у этой администрации пока нет, и не предвидится, ей нужно будет продемонстрировать, что они могли сделать нечто, что предыдущая администрация не смогла. Такие прецеденты были: вспомните Никсона и Джонсона, Рейгана и Картера.

Но для этого России, конечно, надо всерьез взяться за дело. Например, мы говорим: системы ПРО США не позволяют нам двигаться дальше в сокращении стратегических вооружений. А что мы конкретно предлагаем в отношении этих систем? Вернуться к договору 1972 года? Невозможно. Мы сами систему ПРО развиваем и построили три завода для системы С-400 и С-500 и следующих их поколений. Как мы хотим ограничить ПРО, что мы предлагаем? Пока ответа нет. По высокоточным системам – что мы предлагаем? Отказаться от них, то есть от нашего «Калибра»? Запретить наши новые авиационные системы большой дальности, которые имеют двойное назначение? Тоже ответа нет.

Ради собственной и глобальной безопасности, ради сохранения стратегической стабильности, которая немыслима без режимов контроля над вооружениями, России пора переходить от слов к делу и брать инициативу в свои руки.